

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ
САМАРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ ИМ. П.В. АЛАБИНА

САМАРСКИЙ КРАЙ В ИСТОРИИ РОССИИ

ВЫПУСК 6

МАТЕРИАЛЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

САМАРА 2017

«Самарский край в истории России». Выпуск 6. Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 165-летию со дня основания Самарской губернии и 130-летию со дня основания СОИКМ им. П.В. Алабина. – Самара, 2017. – 464 с.

ISBN 978-5-9500822-9-0

Редакционная коллегия:

к.п.н. Д.В. Варенов, А.Ф. Кочкина, к.и.н. Д.А. Сташенков (отв. редактор).

Рецензенты – *Ю.П. Анишаков*, д.и.н., профессор, директор Поволжского филиала
Института российской истории РАН.

Э.Л. Дубман, д.и.н., профессор Самарского государственного университета.

Сборник статей «Самарский край в истории России» содержит материалы Шестой Межрегиональной научной конференции, проходившей в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П.В. Алабина 22-23 ноября 2016 г. В конференции, посвященной 165-летию со дня основания Самарской губернии и 130-летию со дня основания СОИКМ им. П.В. Алабина, приняли участие около 100 докладчиков, среди них – представители научных учреждений, вузов, государственных и муниципальных музеев Самары и Самарской области, Москвы, Санкт-Петербурга, Елабуги, Казани, Кирова, Уфы.

Работа конференции проводилась по следующим секциям: «Формирование и изучение музейных собраний», «Археология», «Этнография», «Актуальные проблемы исторического краеведения», «Природа края», «Новые технологии в музейном деле».

В публикуемых статьях вводятся в научный оборот новые источники и архивные материалы по археологии, истории, культуре и природе края.

Сборник предназначен для специалистов – биологов, историков, археологов, этнографов, музейных работников, а также для учителей школ, краеведов и всех, интересующихся природой, историей и культурой родного края.

ISBN 978-5-9500822-9-0

© ГБУК «Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина», 2017.

© Коллектив авторов, 2017.

УДК 908

КОММЕМОРАТИВНЫЕ АКЦИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ САМАРЕ

© 2017 г. Я.М. Цыганова

Статья посвящена коммеморативным практикам, бытовавшим в Самаре во второй половине XIX – начале XX в. Основное внимание уделено тем объектам, в которых сосредотачивалась память о значимых для города событиях прошлого. Эти события являлись важными звеньями в формировании историко-культурной идентичности Самары.

Ключевые слова: Самара, историческая память, «места памяти», памятники, топонимика

Среди исследовательских проблем в современной исторической науке одной из востребованных становится тема исторической памяти общества, о которой, как правило, можно составить определенное представление по коммеморациям. Под коммеморациями понимаются, прежде всего, способы увековечивания обществом его исторической памяти. Эти способы могут быть различными: установка скульптурных и архитектурных памятников, наименования учреждений, улиц и других объектов, проведение памятных мероприятий и т.п.

Проблема исторической памяти начала разрабатываться в научном плане еще в первой пол. XX века французским социологом М. Хальбваксом и немецким искусствоведом А. Варбургом, а впоследствии это направление развивалось в трудах Я. Ассмана, П.Х. Хаттона, Ф. Йейтс, А. Про, П. Нора, а также в работах отечественных историков Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, Л.П. Репиной и др.

Данное исследование во многом опирается на методологический подход французского историка Пьера Нора, который ввел в научный оборот термин «места памяти». Нора определяет их как «места, на которых складывается память»¹, это могут быть самые разнообразные объекты, материальные и нематериальные: например, мемориальные сооружения – памятники известным личностям, чьи деяния сохранились в народной памяти; топонимы – наименования природных объектов, улиц, а также домов, учреждений и т.д. Главное заключается в том, что в таких «местах» общество сосредотачивает то, что оно считает важным, неотъемлемым от своего индивидуального облика и достойным сохранения.

Изучая историческую память, Пьер Нора также выделил несколько ее типов применительно к современной ему Франции: 1) королевская память, в основе которой – идея святости монархии; 2) память-государство, строящаяся вокруг идеи государственного величия; 3) память-нация, организованная вокруг идеи нации как географического, исторического и экономического единства; 4) память-гражданин (слово «сiтоуен» можно также перевести как «горожанин»), демократизированная память масс².

С подходом Пьера Нора перекликаются и типологии коллективной идентичности, предложенные другими учеными. Так, британский социолог Бенедикт Андерсон в своем труде «Воображаемые сообщества» выделяет несколько видов коллективной идентичности, на основе которых в определенные эпохи строились культурные системы. Во-первых, это религиозная идентичность, основанная на общности священного языка, которым передается истина. Во-вторых, это идентичность династическая, базирующаяся на сакрализации монархической власти и ее незыблемости в представлениях масс. Третьим видом коллективной идентичности Б. Андерсон считает национальную идентичность, которая основывается на понимании нации как монолитного сообщества, движущегося вглубь (или из глубины) истории³.

Ситуация, когда в общественном сознании сосуществуют и соперничают несколько проектов коллективной идентичности – то есть несколько представлений о том, вокруг каких ценностей и символов должна строиться идентичность общества – исследуется в работе О.Б. Леонтьевой. Применительно к России XIX – начала XX в. она выделяет следующие проекты коллективной идентичности. Первый проект идентичности, наиболее архаичный, – династический, основанный на традиционной преданности правящему дому. Вторым – национальный проект – предполагал понимание истории как воплощения национального характера, творческого духа нации как целостности. Наконец, демократически-народнический проект идентичности основывался на идее трудового народа как носителя социальной и нравственной Правды⁴.

В свою очередь, омский историк В.Г. Рыженко обращается к проблеме соотношения региональной и общенациональной памяти. В работах по теории регионалистики она предлагает следующую иерархию типов коллективной памяти («фигур памяти») местного сообщества. Под первым типом (высшим уровнем) исследователь понимает «фигуры общегосударственной значимости, закрепляющие официальную версию исторической памяти, решающие вопрос о региональной идентификации в пользу страны в целом» (например, для России это – фигуры такого масштаба, как Сергей Радонежский или А.С. Пушкин). Вторым тип «включает знаковые фигуры, дающие опору для коллективной и

индивидуальной идентификации обитателям регионального пространства» (как правило, это фигуры известных личностей, родившихся или трудившихся в данном регионе). Третий тип «определяет формирование локальной идентичности, закрепляя ее в «вещах» культуры, появляющихся в пространстве любого конкретного обитаемого Места, в мифах и легендах, порожденных и транслируемых «устной» традицией стихийной исторической памяти»⁵. Следовательно, В.Г. Рыженко вводит разграничение между памятью региональной (связанной с общенациональным контекстом) и памятью локальной (значимой только для жителей данного региона).

Таким образом, на основе типологий, составленных вышеперечисленными исследователями, мы можем выделить следующие типы коллективной памяти: религиозная, монархическая (династическая), национальная, региональная, локальная. Изучение же коммеморативных акций позволяет зримо проследить борьбу или сосуществование различных типов памяти и видов коллективной идентичности в обществе определенного периода. В данной работе делается попытка проследить, какие способы коммеморации бытовали в Самаре во второй половине XIX – начале XX в., как формировалась историческая память, какие события и персонажи были увековечены в мемориальной культуре города. Изучая эти вопросы, мы можем выявить особенности исторической культуры и содержания исторической памяти самарцев пореформенной эпохи.

Именно в этот период в мемориальной культуре всей России происходят значительные изменения. Историк А.С. Святославский, в частности, подчеркивает, что с 1860-х гг. возрастает количество скульптурно-архитектурных монументов, более разнообразной становится тематика мемориальных сооружений (все чаще в категорию «мемориализуемых лиц» попадают не только монаршие особы и герои войн, но и деятели культуры, прежде всего литераторы), происходит «демократизация мемориальной среды»: инициаторами мемориальных кампаний в большинстве случаев становятся общественные организации и органы муниципальной и земской власти. Помимо появления скульптурно-архитектурных памятников, в пореформенную эпоху активно практиковались и другие способы увековечивания памяти: присвоение памятных наименований учреждениям (чаще всего – учебным, благотворительным, медицинским, культурным); отражение коллективной памяти в топонимике, а также в надписях на памятниках и утилитарных сооружениях, проведение юбилейных торжеств⁶.

Тенденции, отмеченные А.С. Святославским, можно проследить и на примере Самары. В пореформенный период в городе интенсивно формировались новые «места памяти». Самара лишь в 1851 году стала губернским городом; ее становление как столицы губернии совпало с началом эпохи Великих реформ. Новый статус способствовал более интенсивному развитию города в общественно-культурном отношении, это касалось и его мемориальной культуры. Кроме того, Самара, будучи до середины XIX века практически полностью деревянной, не раз выгорала, а в 1850 году произошел страшнейший пожар, в результате которого город превратился в пепелище. Все это привело к тому, что в Самаре не осталось никаких памятников прежних лет. В результате во второй половине XIX века Самара не только заново отстраивалась, развивалась, но и заново формировала собственные «места памяти».

В исторической памяти самарцев особое место занимал митрополит Алексей, видный религиозный и политический деятель XIV века. По легенде, возвращаясь по Волге из Орды, он предсказал появление Самары и ее дальнейшее процветание. Впервые это предание было изложено П.И. Рычковым в его «Оренбургской топографии», изданной в 1762 году; Рычков сообщал, что этот рассказ ему передал «Оренбургского нерегулярного корпуса сотник Иван Куприянов сын Могутов, отец господина подполковника и того корпуса войскового атамана Василия Могутова, муж престарелый и достойный вероятия, ...по преданию предков своих»⁷. Впоследствии об этой легенде упоминали в своих краеведческих работах А.Ф. Леопольдов⁸, П.В. Алабин⁹.

Эта история нашла отклик в сердцах самарцев, и в результате митрополит Алексей стал считаться небесным покровителем города, память о нем увековечивалась различными способами. Известно, например, что в XVIII веке в мужском Спасо-Преображенском монастыре Самары была деревянная церковь Преображения с приделом святого Алексея Митрополита, сгоревшая во время пожара 1765 года¹⁰. Именем митрополита Алексея в 1850-х гг. была названа главная торговая площадь города – Алексеевская; в 1830-е гг. в память о нем на берегу Волги была сооружена часовня, которая, однако, была сильно повреждена во время половодья 1856 и 1867 гг., и потому на ее месте в 1888 году, во время торжеств в честь 900-летия крещения Руси, состоялась закладка новой часовни¹¹. Поскольку митрополит Алексей – заметный персонаж в российской истории, положительно повлиявший на события современной ему эпохи, его образ в исторической памяти самарцев позволял связать воедино память региональную и общероссийскую.

Помимо митрополита Алексея в Самаре вспоминали и других религиозных деятелей, например, просветителей, составителей славянской азбуки Кирилла и Мефодия. Так, когда в 1885 году по всей стране отмечалось тысячелетие со дня смерти Мефодия, в Самаре в честь этого издали до 4 тысяч экземпляров жизнеописания святых Кирилла и Мефодия, чтобы раздать учащимся гимназий¹². В 1888

году так же широко отмечалось 900-летие крещения Руси, и во многих городах прошли торжественные крестные ходы. В Самаре по этому случаю было решено соорудить хоругвь Святого Владимира, князя Киевского, и освятить ее в день крестного хода¹³.

Безусловно, в пореформенную эпоху видное место в историко-культурном пространстве России занимали «места памяти», связанные с именами монархов – представителей династии Романовых. Не была исключением и Самара.

Самое большое количество коммеморативных акций было связано с именем императора Александра II, что объясняется данью уважения царю, который наконец-то отменил крепостное право в России. Историк А.В. Святославский в своем исследовании подчеркивал, что Александр II стал абсолютным лидером по числу памятников, воздвигнутых в России с 1880-х до 1917 г. Исследователь указывает также точное количество этих памятников – 101, а также 2,5-3 тыс. типовых памятников, воздвигнутых после 1911 года¹⁴.

Среди этих памятников был и монумент в Самаре. Он был открыт в 1888 году посреди сквера на Алексеевской площади. Император был изображен в генеральском сюртуке, в военной фуражке, опирающимся на саблю. По углам постамента располагались четыре символические фигуры: черкес, ломающий шашку (символ покорения Кавказа); болгарка, разрывающая цепи (символ освобождения Болгарии от османского владычества); среднеазиатская женщина, сбрасывающая чадру (символ покорения Средней Азии), и русский крестьянин, осеняющий себя крестным знаменем (зримое напоминание о реформе 1861 года)¹⁵.

Коммеморации различных дат, связанных с правлением Александра II, начались еще при жизни императора. В 1880 году с особым «памятным блеском» отмечалось 25-летие царствования императора. Появилась целая серия объектов, посвященных царю и юбилею его правления. Прежде всего следует назвать открытие железнодорожного моста через Волгу близ Сызрани, названного Александровским: это был важнейший инфраструктурный объект, позволивший соединить в единую сеть железнодорожные пути европейской и азиатской частей империи.

В Самаре городская дума юбилей царствования Александра II предложила «ознаменовать сооружением памятника, достойного величия торжествуемого события и соответствующего идее, служащей основанием всей благотворной деятельности царственного юбиляра. Таковым памятником, по мнению городской думы, явилось бы каждое учреждение, которое образовалось бы с целью умственного и нравственного развития отечественного общества»¹⁶. В качестве памятника монарху был открыт при публичной библиотеке зал императора Александра II, в котором предполагалось наглядно представлять историю его жизни и царствования. В этом зале были собраны различные предметы, документы, книжные издания, имеющие отношение к императору.

История многочисленных покушений на Александра II также нашла отражение в региональных «местах памяти». Например, в 1869 году в Самаре началось строительство кафедрального собора в память о спасении императора от выстрела Каракозова в 1866 году¹⁷. В 1871 году на месте строительства побывал сам император Александр II, заложивший камень в основание храма. Показательно, что храм был освящен во имя Христа Спасителя, а два его придела – в честь св. благоверного князя Александра Невского (небесного покровителя императора) и всех святых, поименованных на 4-й день апреля, то есть в день неудачного покушения¹⁸. Эта коммеморативная акция приобрела не планировавшийся организаторами трагический оттенок, поскольку к моменту освящения собора в Самаре император погиб в результате очередного покушения.

Память об императоре, освободившем крепостных крестьян, выражалась также в том, что его именем называли больницы, приюты, библиотеки и прочие просветительские и благотворительные учреждения. Например, в 1882 году именем императора, а именно Александровской, была названа публичная библиотека. Даже спустя годы после смерти Александра II его именем продолжали называть различные учреждения, так, в 1895 году в Самаре появилось общежитие для бедных учеников реального училища имени Императора Александра II¹⁹.

Можно заключить, что в пореформенную эпоху память Александра II увековечивалась прежде всего как память о царе-освободителе крестьян от крепостной зависимости, примером чего был памятник в Самаре. Различные формы коммеморации были нацелены также на сохранение памяти о его преемниках на престоле: например, именем Александра III была названа открытая в 1896 году в Самаре богадельня²⁰.

Порой различные учреждения получали названия в память о таких событиях в биографии монарших особ, которые нельзя назвать важными в историческом плане – например, о свадьбах или совершеннолетиях. Так, в честь совершеннолетия Николая II, в то время еще цесаревича, в Самаре открыли городской ночлежный дом, а в память о его же свадьбе было организовано общежитие для бедных учеников гимназии²¹.

Важными звеньями в исторической памяти жителей Самары были визиты в город представителей царского дома. Так, в память о посещении императором Александром I Самары в 1824 году, а также к

столетию со дня его рождения, в городе было открыто Самарское реальное училище имени императора Александра Благословенного²². Также в память о приезде цесаревича Николая Александровича в 1863 году открыли Николаевский городской сиротский дом²³ и воздвигли триумфальные ворота, которые простояли, правда, не дольше 1870-х гг.²⁴

Широко отмечавшийся в России в 1913 году юбилей дома Романовых затронул и провинцию. В Самаре 21 февраля в кафедральном соборе прошла литургия, после чего последовал парад, а возле Струковского сада прогремел салют; в Пушкинском народном доме были организованы бесплатные народные чтения об истории воцарения Михаила Романова, народным столовым были выделены деньги на бесплатные обеды для бедняков²⁵. В честь юбилея естественно-историческому и сельскохозяйственному музею Самарского губернского земства было присвоено наименование «Музей в память трехсотлетия царствования Дома Романовых»²⁶.

Таким образом, мы можем увидеть, что в Самаре, как и в стране в целом, проводилась целенаправленная политика по сохранению памяти об августейших персонах. По широкому перечню событий, в честь которых открывались какие-либо учреждения или строились различные объекты, можно судить о той значимости, которой обладали монархи в общественном сознании, в том числе и на провинциальном уровне. Впрочем, А.В. Святославский отмечает, что от столь многочисленных коммемораций «нередко веяло чистой формальностью»²⁷.

Другой категорией личностей, память о которых сохранялась в культурном пространстве Самары, как и всей России, были литературные деятели – известные отечественные писатели и поэты, ставшие в пореформенную эпоху предметом национальной гордости. Увековечивание памяти об этих деятелях способствовало дальнейшему формированию собственно российской национальной идентичности, основанной на литературной традиции.

Наиболее почитаемым литератором в то время, как и сегодня, был Александр Сергеевич Пушкин. В год столетия со дня рождения Пушкина на территории Барановского сада началось строительство Народного дома имени А.С. Пушкина²⁸, который открыли в 1903 году, также был создан Пушкинский сквер. В 1904–1905 гг. на балконе Пушкинского дома, а затем и в сквере были установлены идентичные бюсты Пушкина работы скульптора В.Н. Рейтлингера²⁹. На рубеже XIX–XX веков самарская мещанка Ирина Разина заявила, что отдаст свой дом под народную библиотеку имени Пушкина, если таковая откроется³⁰. Так, мы видим, что инициатива запечатления памяти великого поэта исходила и от простых горожан.

В 1883 году сразу после смерти писателя И.С. Тургенева в Самаре городской думой и городской управой было решено, что необходимо почтить его память «добрым делом во имя человечества, которому он был неизменным другом»³¹. Таким добрым делом стало присвоение первому мужскому приходскому училищу имени «Русского мыслителя и поэта Ивана Сергеевича Тургенева», а также учреждение двух стипендий его имени для бедных учеников этого училища³².

Своеобразно в Самаре почтили память И.С. Аксакова в 1886 году. Земским гласным Л.Н. Яценко было внесено предложение в городскую думу об увековечивании памяти известного публициста. Аксаков оставил свой след в общественной памяти, прежде всего, идеями единения славянских народов. Поэтому в его память в Кафедральном соборе было решено установить Евангелие «с иконой ангела покойного на оборотной стороне»³³ – Священное Писание, переведенное Кириллом и Мефодием на славянский язык, как знак той идеи славянского единения, которую исповедовал Аксаков.

В 1891 году, в год 50-летней годовщины со дня гибели М.Ю. Лермонтова, городская дума ходатайствовала о разрешении назвать именем поэта одно из приходских училищ Самары. К сожалению, 3-е женское приходское училище по бюрократическим причинам не стало называться Лермонтовским. Память о поэте свелась лишь к появлению его портрета в этом училище³⁴.

В 1902 году в Самаре чествовали память сразу трех писателей: В.Г. Белинского, В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя, и городская управа ходатайствовала о присвоении их имен городским учебным заведениям³⁵.

В честь 80-летнего юбилея Л.Н. Толстого в Самаре городская дума приняла решение назвать улицу его именем. Правда, это случилось только после смерти писателя³⁶.

Общезначимой для всей страны являлась память о величайшем событии российской истории XIX века – Отечественной войне 1812 года. Празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года стало одной из самых ярких коммеморативных акций начала XX века. Как правило, торжественные памятные мероприятия проводились в конце августа – начале сентября, то есть были приурочены к годовщине Бородинской битвы. 26 августа проходили торжественные мероприятия самого различного характера. Так, в Самаре в Пушкинском народном доме проходили бесплатные юбилейные народные чтения, исполнялась кантата «1812 г.», ставились сцены из пьес «Пожар Москвы», «1812 г.», читались стихотворения и рассказы об Отечественной войне и ее героях. В церквях и других учреждениях служились торжественные богослужения по случаю юбилея и панихиды по погибшим, в садах проводились праздничные гуляния, а на Хлебной площади состоялся парад, посмотреть на который

пришло огромное число людей³⁷. В местной периодической печати публиковались исторические очерки о войне 1812 года.

В самарской городской топонимике сохранялась память о пребывании в городе казаков: хотя казачье войско было переведено из Самары в Оренбуржье еще в середине XVIII века, в городе оставались Казачий мост и Казачья улица; позднее, что симптоматично, она была переименована в Дворянскую. Территория на юго-восток от Самары носила название «Ногайская сторона» или «Киргизская сторона» – в память о бывших набегах кочевников³⁸.

Складывающиеся в Самаре «места памяти» были связаны также с теми личностями, которые не всегда были известны широкой российской общественности, но уважение к которым сохранили жители города. Причем заслуги людей могли быть самые разнообразные. В Самаре чаще всего такими деятелями становились благотворители или оставившие о себе добрую память государственные служащие.

Например, именем управляющего Илецкими соляными промыслами Г.Н. Струкова был назван созданный им сад, который к концу XIX века стал излюбленным местом отдыха горожан. Автор одного из путеводителей по Волге Я.П. Кучин писал, что этот сад «самая замечательная вещь в Самаре. Там обыкновенно, раза два в неделю играет музыка. Имеется вокзал, в котором иногда танцуют, иногда дают какие-нибудь представления, всегда играют на бильярде, пьют чай, ужинают»³⁹. Хотя в XX веке сад был официально переименован в городской парк культуры и отдыха им. А.М. Горького, до сих пор в городской топонимике и в обыденной речи его называют «Струковский сад» или «Струкачи».

В Самаре старались сохранить память о тех общественных деятелях, которые активно занимались благотворительностью. Например, в начале XX века в Покровском саду был установлен бюст купца А.Н. Шихобалова, который жертвовал средства на богадельни, больницы и школы, с надписью: «Почетному гражданину г. Самары, коммерции советнику, А.Н. Шихобалову⁴⁰ благодарное городское общество». Кроме того, в его честь городская дума постановила назвать улицу. Также в благодарность за выделенные на строительство новой богадельни средства был установлен бюст купцу Я.Г. Соколову на Петропавловской площади⁴¹.

В начале XX века в Самаре активно обсуждался вопрос об установке памятника городскому голове П.В. Алабину, который, по словам К.П. Головкина, «так много сделал дел для г. Самары, как никто до него и после него»⁴². В Самаре в период ее превращения из маленького уездного городка в процветающую столицу губернии Алабин явился одной из самых значимых фигур в этом процессе. К сожалению, этот проект так и не воплотился в жизнь, что, тем не менее, не повлияло на место Алабина в общественной памяти горожан в пореформенную эпоху.

Формирование самарских «мест памяти» было связано и с трагическими событиями регионального масштаба. Например, в честь окончания голода 1873 года у вокзала Оренбургской железной дороги была заложена часовня во имя Иверской Божьей Матери⁴³.

Самарским «местом памяти» в конце XIX века стало также знаменитое Самарское знамя, вышитое монахинями Иверского монастыря в подарок Болгарии как «близкой нашему сердцу стране»⁴⁴, которая в 1870-х гг. вела борьбу за независимость с Турцией. На лентах знамени золотом вышиты надписи – на одной стороне «город Самара болгарскому народу в 1876 году», а на другой «да воскреснет Бог и расточатся враги Его»⁴⁵. Значимым это знамя было также потому, что являлось одной из святынь, связанных с победой России в последней русско-турецкой войне 1877–1878 гг., а также одним из проявлений любви к братскому славянскому народу.

Славу всероссийского масштаба в пореформенную эпоху Самара приобрела также благодаря кумысолечебным заведениям, причем славился город не только на всю страну, но и на весь мир. Одна из кумысолечебниц носила имя земского врача Н.В. Постникова, который первым изучил лечебные свойства кумыса и открыл лечебницу. Именем Постникова с конца XIX века назывался овраг, рядом с которым находилось его кумысолечебное заведение, а также роща на левом берегу оврага⁴⁶.

Аналогичным образом запечатлелась в местной топонимике кумысолечебница, основанная купцом Е.Н. Аннаевым. Гранный овраг на обрывистом берегу Волги, около которого находилось его лечебница, среди горожан стал называться Аннаевским, водоем рядом с этим оврагом стал именоваться Аннаевским озером или прудом⁴⁷.

Разновидностью «мест памяти» были и торжественные празднования юбилеев важных для региона событий: так, в 1886 году торжественно отметили 300 лет с момента основания крепости Самара. В ознаменование этой круглой даты создавались работы по истории города. Например, П.В. Алабин написал труд «Трехвековая годовщина города Самары», в котором отразил наиболее важные, на его взгляд, события из прошлого родного края для сохранения их в общественной памяти.

Таким образом, в Самаре за пореформенный период сложился собственный комплекс «мест памяти», в которых были отражены представления людей того времени об историческом прошлом. Формы коммемораций были разнообразны: они могли быть как религиозными, традиционными для церковно-православной культуры (строительство церквей или часовен), так и светскими (сооружение архитектурных или скульптурных памятников, увековечение значимых имен в топонимике и названиях

учреждений, празднование юбилеев). Однако в пореформенной культуре нередко были ситуации, когда религиозные сооружения и объекты создавались в память о вполне мирских событиях: например, строительство кафедрального собора Христа Спасителя в Самаре в память о спасении Александра II от покушения Д.В. Каракозова; помещение в кафедральном соборе Евангелия в память об И.С. Аксакове и т.д.

В историко-культурном пространстве Самары мы можем выделить несколько типов памяти, связанных с определенными проектами коллективной идентичности пореформенного общества. Первый тип, который был явно выражен в исторической культуре региона, – религиозная память, основанная на православной вере и выраженная в сохранении памяти о значимых событиях религиозной жизни. Такие коммеморативные акции, как празднование 900-летнего юбилея крещения Руси или чествование Кирилла и Мефодия, проходили в масштабах всей страны, сплетая ее регионы в единое пространство памяти.

Бурное развитие мемориальной культуры во второй половине XIX века привело к появлению огромного количества «мест памяти», связанных с идеей монархии, в частности, к воздвижению памятников императорам, открытию и наименованию различных учреждений в честь августейших особ, их визитов в Самару и т.д. Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее часто в памяти пореформенного общества увековечивался император Александр II: в исследуемый период ему был воздвигнут памятник, в его честь были названы самые разные сооружения и учреждения – железнодорожный мост, публичная библиотека. Особых коммемораций удостоивалась крестьянская реформа, проведенная Александром II в 1861 году, а также спасения императора от многочисленных покушений на его жизнь (здесь наиболее внушительной коммеморативной акцией было строительство кафедрального собора в Самаре с приделом во имя небесного патрона императора и всех святых, прославленных в день 4 апреля).

Национальный сценарий коллективной идентичности (идея единства нации вокруг общих, всеми разделяемых ценностей) был связан с великой русской литературой XIX столетия. Здесь центральной фигурой памяти – как и в масштабах всей России – был, безусловно, А.С. Пушкин; так, его именем был назван Народный дом, где также был установлен его бюст. Вспоминали и о других выдающихся писателях и поэтах, в память которых называли учебные заведения, улицы или просто проводили памятные мероприятия: одна из центральных улиц Самары получила имя Льва Толстого, мужскому приходскому училищу присвоили имя И.С. Тургенева и проч.

Во второй половине XIX – начале XX в. в Самаре шло активное формирование локальной идентичности. Ее проявлением было сохранение памяти о тех людях, которые были значимы именно для города: так, в топонимике Самары была увековечена память о частных лицах, известных своей благотворительностью – «Струковский сад», «Постников овраг», «Аннаевский овраг» и т.п.

«Демократизация мемориальной культуры», о которой применительно к пореформенному периоду писал А.С. Святославский, коснулась и Самары. Инициативу увековечивания памяти активно проявляли городские думы, члены земств (в Самаре часто инициативу проявлял земский гласный Л.Н. Яценко), отдельные выходцы из числа рядовых горожан.

Таким образом, мы видим, что в Самаре в пореформенный период мемориальная культура проявлялась, с одной стороны, в увековечивании памяти о событиях общероссийской истории и известных россиянах, с другой, в сохранении памяти местной. Все эти коммеморативные акции, бытовавшие в Самаре во второй половине XIX – начале XX в, определяли историко-культурный облик города, с одной стороны, формируя собственную коллективную идентичность жителей Самары, с другой – связывая город с историко-культурным пространством всей России.

Примечания:

¹ Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / пер. с фр. Д. Хапаевой. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С.43.

² Нора П. Нация – память // Там же. С.51–55.

³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. С.35–37, 42–43, 49.

⁴ Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. – Самара: ООО «Книга», 2011. С.426.

⁵ Рыженко В.Г. Историческая наука, регионоведение, культурология. Возможности кооперации вокруг проблемы «присвоения прошлого» // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Издательство ЛКИ, 2011. С.339–340.

⁶ Святославский А.С. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. – М.: «Древлехранилище», 2013. С.207–210, 275–277.

⁷ Рычков П.И. Из книги «Топография Оренбургская» // Классика Самарского краеведения: Антология

- / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. С.10.
- ⁸ Леопольдов А.Ф. Исторические заметки о Самарском крае // Журнал Министерства внутренних дел. Ч. XLII, кн. 6. 1860. С.7–8.
- ⁹ Алабин П.В. Трехвековая годовщина города Самары. – Самара: Губернская Типография, 1887. С.2.
- ¹⁰ Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII – начале XX вв. (краеведческая картотека) / сост.: Г.В. Галыгина, Э.Л. Дубман, П.С. Кабытов; под научной редакцией П.С. Кабытова и Э.Л. Дубмана. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С.180.
- ¹¹ Там же. С.172–175.
- ¹² ЦГАСО. Ф.153. Самарская городская управа (1870–1918). Оп.36. Д.687. Л.4.
- ¹³ ЦГАСО. Ф.153. Самарская городская управа (1870–1918). Оп.36. Д.725. Л.18.
- ¹⁴ Святославский А.С. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. С.243–244.
- ¹⁵ Киселев В. Памятник Александру II [Интервью с А.Н.Завальным, 2011]. Сайт «Самарская губерния: история и культура». URL: <http://gubernya63.ru/dostoprimechatelnosti/monuments/aleksandr2.html> (дата обращения: 24.01.2015).
- ¹⁶ Зал императора Александра II-го в г. Самаре. – Самара: Тип. Сербулова Г.В., 1889. С.1.
- ¹⁷ Годы и события. Хроника (к 150-летию Самарской губернии). Том 1. 1851–1920 гг. / сост. Т.И. Ефимова, К.А. Катренко, Р.Ф. Пантюхина, Т.В. Суравцева, А.Г. Удинцев, А.Ф. Ярыш, Г.С. Яшеникова. – Самара: Управление по делам архивов Администрации Самарской области, 2000. С.51.
- ¹⁸ История Самары (1586–1917 гг.) / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2015. С.211–212.
- ¹⁹ Там же. Л.16.
- ²⁰ Там же. Л.17.
- ²¹ Там же. Л.17.
- ²² Годы и события. Хроника (к 150-летию Самарской губернии). Том 1. 1851–1920 гг. С.85.
- ²³ ЦГАСО. Ф.3. Канцелярия Самарского губернатора (1844–1917). Оп.118. Д.21. Л.16.
- ²⁴ Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII – начале XX вв. (краеведческая картотека). С.156.
- ²⁵ Волжское слово. 26 февраля 1913 г. № 44 (1638). С.3–4.
- ²⁶ Годы и события. Хроника (к 150-летию Самарской губернии). Том 1. 1851–1920 гг. С.198.
- ²⁷ Святославский А.С. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов... С.241.
- ²⁸ ЦГАСО. Ф.815. Головкин К.П. – краевед (1872–1925) Оп.2. Д.6. Л.46.
- ²⁹ Носков А.И. Прикосновение к прошлому. Историко-литературные поиски и находки самарского краеведа. – Самара: Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2006. С.245.
- ³⁰ ЦГАСО. Ф.153. Самарская городская управа (1870–1918). Оп.36. Д.940. Л.14.
- ³¹ ЦГАСО. Ф.153. Самарская городская управа (1870–1918). Оп.36. Д.676. Л.5.
- ³² Там же. Л.7.
- ³³ ЦГАСО. Ф.153. Самарская городская управа (1870–1918). Оп.36. Д.698. Л.10.
- ³⁴ ЦГАСО. Ф.153. Самарская городская управа (1870–1918). Оп.36. Д.766. Л.3, 6.
- ³⁵ ЦГАСО. Ф.153. Самарская городская управа (1870–1918). Оп.36. Д.907. Л.17–18.
- ³⁶ Годы и события. Хроника (к 150-летию Самарской губернии). Том 1. 1851–1920 гг. С.168–169.
- ³⁷ Волжское слово. 28 августа 1912 г. № 187 (1499). С.4–5.
- ³⁸ Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII – начале XX вв. (краеведческая картотека). С.234, 338–339, 327.
- ³⁹ Кучин Я.П. Путеводитель по Волге между Нижним и Астраханью. Изд.2. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1870. С.133–134.
- ⁴⁰ Годы и события. Хроника (к 150-летию Самарской губернии). Том 1. 1851–1920 гг. С.173.
- ⁴¹ Там же. С.180.
- ⁴² ЦГАСО. Ф.815. Головкин К.П. – краевед (1872–1925) Оп.2. Д.6. Л.38.
- ⁴³ Годы и события. Хроника (к 150-летию Самарской губернии). Том 1. 1851–1920 гг. С.75.
- ⁴⁴ Алабин П.В. Трехвековая годовщина города Самары. С.186.
- ⁴⁵ ЦГАСО. Ф.815. Головкин К.П. – краевед (1872–1925) Оп.2. Д.6. Л.37.
- ⁴⁶ ЦГАСО. Ф.815. Головкин К.П. – краевед (1872–1925) Оп.2. Д.8. Л.14, 29.
- ⁴⁷ Там же. Л.8, 31.

Информация об авторе:

Цыганова Яна Михайловна, аспирант, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева; библиотекарь I категории, Самарская областная универсальная научная библиотека (г. Самара, Российская Федерация);

E-mail: tym90@mail.ru

Адрес служебный: 443110, г. Самара, пр. Ленина, 14а

COMMEMORATIVE ACTIONS IN PRE-REVOLUTIONARY SAMARA

I.M. Tsyganova

The article is devoted to the commemorative practices in Samara from the midst of XIX to the early XX centuries. Particular attention is paid to the memorial objects devoted to the significant events of the past which became the important elements in formation of Samara's historical and cultural identity.

Key words: Samara, historical memory, «places of memory», monuments, toponyms

Information about the author:

Tsyganova Iana M., postgraduate student, Samara University; librarian, Samara Regional Scientific Library.

E-mail: tym90@mail.ru

Address: 443110, Samara, Lenin prospect, 14a

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
И.В. Крамарева. Из века в век с надеждой в будущее	5
П.Н. Шарбаров. Речь Петра Алабина на открытии Вятского Публичного музеума: взгляд через 150 лет	8
Н.И. Курылева. И.В. Шишкин и П.В. Алабин: имен связующая нить	16

ПРИРОДА КРАЯ

В.С. Измайлова. Физико-географические ландшафты Кинельского района Самарской области	19
В.В. Гусев, М.П. Бортников. Перспективные виды горючих ископаемых Самарской области	23
И.В. Новиков, Л.В. Гусева, Д.В. Варенов, Т.В. Варенова. Важнейшие результаты совместной экспедиции ПИН им. А.А. Борисяка РАН и СОИКМ им. П.В. Алабина по мониторингу местонахождений триасовых тетрапод	27
Н.В. Оленева, Т.Е. Ермолова, Е.В. Рахимова. Распространение и фациальная зависимость среднедевонских брахиопод Самарской области (на примере коллекции из собрания СОИКМ им. П.В. Алабина)	36
Р.А. Гунчин, Ю.В. Зенина, А.А. Малышев. Фауна верхнемеловых отложений Шигонского района	45
В.П. Моров, А.А. Морова, Д.В. Варенов, Т.В. Варенова. Ископаемая флора Самарской области	55
К.Н. Сименко. О находках остатков крупных ископаемых млекопитающих четвертичного периода на территории Кинельского района Самарской области	69
Г.П. Лебедева, Л.В. Гусева, Л.В. Назарова, О.Г. Ухина. История формирования орнитологической коллекции СОИКМ им. П.В. Алабина	77
Г.П. Лебедева. Авифауна Самарской области. Состояние изученности	94
С.И. Павлов, И.С. Павлов. Изменение состава и структуры авифауны агроценозов в связи с трансформацией природной среды Самарской области	106
Е.А. Белослудцев. Пауки (arachnida: aganei) южной окраины города Самара	112
И.В. Любвина. Группа филофагов-минеров основных лесообразующих пород в Жигулевском заповеднике	118
М.Г. Котельникова. Особенности природных популяций некоторых редких растений Самарской области	122
В.В. Соловьева, А.И. Шакуров. Экологические особенности Таловского водохранилища	129
Т.Ф. Чап. Стрельная гора – критически значимая территория Самарской области	133
С.В. Саксонов, С.А. Сенатор, Г.С. Розенберг. Основные концепты закона «Об охране растительного покрова в Самарской области»	141
Н.В. Ремезова. Станция юннатов, или эколого-биологический центр, как центр реабилитации людей и животных	143

АРХЕОЛОГИЯ

Н.В. Лебедева (Овчинникова). Раскопки кургана 1 курганного могильника Красносамарский V	147
А.А.Хохлов. Палеоантропологический материал кургана № 1 могильника Красносамарский V	167
И.Н. Васильева, Л.С. Кулакова, Н.П. Салугина, Н.В. Рослякова. Раскопки курганного могильника позднего бронзового века Садгород IV в 2016 году	172
О.В. Кузьмина. Об одном типе роговых и костяных изделий конца эпохи средней бронзы - начала эпохи поздней бронзы Доно-Волго-Уралья	197
В.А. Скарбовенко, П.В. Ломейко. Курганный могильник золотоордынской эпохи Канадей I в Ульяновском Поволжье	211
Д.В. Вальков. Интеграция данных ДЗЗ и анализ микрорельефа. Опыт развития методики полевого археологического исследования	231

ИСТОРИЯ

Л.М. Артамонова. Открытие в 1856 году губернской гимназии – первого среднего учебного заведения в Самаре	242
Ю.Н. Смирнов. Роль учителей самарских школ середины XIX века в возникновении первых добровольных ассоциаций в городе	249
Я.М. Цыганова. Коммеморативные акции в дореволюционной Самаре	254
К.Н. Сименко. К вопросу о месте, дате основания города Кинель и его названии	262
Т.В. Кудряшова. Край раскольников и сектантов	267
С.А. Бабина. Организация культурного пространства дворянских усадеб Самарской губернии в XIX в.	272
О.М. Сизова. Благотворительность в Самарском крае во второй половине XIX века	277
А.А. Гончаров. Солдат особого назначения. Мищенко Иван Федотович	280
Л.Г. Мкртчян. Армянская религиозная община «Святой Гевонд» г. Самара в 1918-1930 гг.	284

А.И. Репинецкий. Население Куйбышевской (Самарской) области на страницах «пропавшей» переписи (1937 г.)	288
А.Н. Былинкина, М.В. Черепанов. Наградные документы самарцев, представленных к званию Героя Советского Союза, как инновационный источник музейной и военно-патриотической работы	293
А.И. Вайнюнская. Пребывание эвакуированных детей блокадного Ленинграда в городе Куйбышев в 1942-1945 гг.	298
Н.Ф. Ретин. Лечебно-санитарное управление Кремля в самарской эвакуации 1941-1943 годов	300
С.Н. Абрашкин. Формирование кадрового состава куйбышевского телевидения в 1950-1960-е годы	315
Л.В. Едидович. Нереализованные проекты самарского архитектора Петра Щербачева	321
А.М. Доценко. События в стране и мире глазами советского обывателя первой половины 1950-х – начала 1980-х гг.	326

ЭТНОГРАФИЯ

Т.И. Ведерникова. Формирование системы поселений на башкирских землях в процессе аграрного освоения Самарского края	333
М.М. Маннапов. К вопросу о происхождении башкирского рода Акировых	337
Т.А. Мачкасова. Фольклорные традиции русского населения Самарского края	343
И.С. Назарова. Обрядовая кукла в русских традициях проводов весны на материале Самарского края	346
А.В. Олищук. Гончарство Самарского края	348
Н.И. Солдатов. Празднично-обрядовая традиция русской культуры	351
И.В. Филатова. Традиционные головные уборы русских крестьян Самарской области	355
Н.А. Хайруллина. Традиционный крестьянский костюм русского населения Бузулукского уезда Самарской губернии (по материалам этнографических экспедиций в Богатовский и Борский районы Самарской области)	359

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ

Е.В. Степочкина, Л.В. Кузнецова. Музейная сеть Самарской области	369
А.М. Гусева. Краеведческий музей как культурно-образовательный центр провинциального города	373
Т.М. Козинцева, Л.А. Мокроусова. Роль геолого-минералогического кабинета в формировании у студентов интереса к изучению геологии России	376
Л.Н. Любославова. Деятельность промышленных предприятий города Тольятти как раздел природно-экологической экспозиции «Природа. Город. Человек»	382
М.А. Иванова. Сбор и изучение музейных предметов по теме «экологическая деятельность промышленных предприятий города (на примере ОАО «Автоваз») для экспозиции «Природа. Город. Человек»	386
М.В. Борисов. Интерактивная экспозиция «Гончарный дворик» в Центре исторического моделирования «Древний Мир». Опыт работы 2012-2017 гг.	395
Т.В. Варенова, Д.В. Варенов. Музейная программа выходного дня «Музей для малышей»	409
Т.В. Васильева. Игровая форма подачи историко-краеведческого материала детской и молодежной аудитории	417
Ю.А. Петрик. Доступный музей – музей будущего (о работе с посетителями, оказавшимися в трудной жизненной ситуации)	422
О.В. Саушкина. О взаимодействии пространства музея и зрителя: теория и практика современных возможностей	425

ИЗ ИСТОРИИ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

А.И. Ратнер. Коллекция восточного оружия из фондов Самарского областного историко – краеведческого музея им. П.В. Алабина	430
Н.Л. Синельщикова. Коллекция советских лотерейных билетов в фондах СОИКМ им. П.В.Алабина.	434
Т.Ю. Конякина. Нумизматическая коллекция СОИКМ ИМ. П.В. Алабина	440
А.В. Александров. Новые изыскания книг на историческую тематику во владельческих и польской коллекциях, хранящихся в фонде отдела редких книг Самарской областной универсальной научной библиотеки	445
В.Ю. Морозов. К вопросу о каталоге фалеристических памятников детских лагерей Куйбышевской (Самарской) области	450
Список сокращений	461

Научное издание

Самарский край в истории России. Выпуск 6.

Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 165-летию со дня основания Самарской губернии и 130-летию со дня основания СОИКМ им. П.В. Алабина. – Самара, СОИКМ им. П.В. Алабина, 2017. – 464 с.

Редакционная коллегия:

к.п.н. Д.В. Варенов, А.Ф. Кочкина, к.и.н. Д.А. Сташенков (отв. редактор).

Верстка и макетирование: Д.А. Сташенков

Дизайн обложки: Л.Ю. Николаева

Подписано в печать 17.04.2017 г. Формат 60 x 88 1/8
Объем 58 п.л. Уч изд. л. 58,1. Тираж 500 экз.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Заказ № 138
Отпечатано в типографии АНО «Издательство СНЦ»
443001, Самара, Студенческий переулок, 3а.
тел.: (846) 242-37-07